

МАРК ТВЕН

КАК ЛЕЧИТЬ ПРОСТУДУ

Писать для развлечения публики, быть может, и похвально, но есть дело, несравненно более достойное и благородное: писать для поучения и назидания, для подлинной и реально ощутимой пользы человека. Именно ради этого я и взялся за перо. Если эта статья поможет восстановить здоровье хотя бы одному из моих страждущих братьев, если она вновь зажжет в его потухшем взоре огонь радости и надежды, если она оживит его застывшее сердце и оно забьется с прежней силой и бодростью — я буду щедро вознагражден за свои усилия, душа моя преисполнится священного восторга, какой испытывает всякий христианин, совершивший благой, бескорыстный поступок.

Ведя жизнь чистую и безупречную, я имею основание полагать, что ни один знающий меня человек не пренебрежет моими советами, испугавшись, что я намереваюсь ввести его в заблуждение. Итак, пусть читатель возьмет на себя труд ознакомиться с изложенным в этой статье опытом лечения простуды и затем последует моему примеру.

Когда в Вирджиния-Сити сгорела гостиница «Белый Дом», я лишился крова, радости, здоровья и чемодана. Утрата двух первых упомянутых

благ была не столь страшна. Не так уж трудно найти дом, где нет матери, или сестры, или молоденькой дальней родственницы, которая убирает за вами грязное белье и снимает с каминной полки ваши сапоги, тем самым напоминая вам, что есть на свете люди, которые вас любят и о вас пекутся. А к утрате радости я отнесся вполне спокойно, ибо я не поэт и твердо знаю, что печаль надолго со мной не останется. Но потерять великолепное здоровье и великолепнейший чемодан оказалось действительно большим несчастьем. В день пожара я схватил жестокую простуду, причиной чему послужило чрезмерное напряжение сил, когда я собирался принять противопожарные меры. Пострадал я при этом напрасно, так как мой план тушения пожара отличался такой сложностью, что мне удалось завершить его лишь к середине следующей недели.

Как только я стал чихать, один из моих друзей сказал, чтобы я сделал себе горячую ножную ванну и лег в постель. Я так и поступил. Вскоре после этого второй мой друг посоветовал мне встать с постели и принять холодный душ. Я внял и этому совету. Не прошло и часа, как еще один мой друг заверил меня, что лучший способ лечения — «питать простуду и морить лихорадку». Я страдал и тем и другим. Я решил поэтому сперва как следует наесться, а затем уж взять лихорадку измором.

В делах подобного рода я редко ограничиваюсь полумерами, и потому поел я довольно плотно. Я удостоил своим посещением как раз впервые открытый в то утро ресторан, хозяин которого недавно приехал в наш город. Пока я закармливал свою

простуду, он стоял подле меня, храня почтительное молчание, а затем осведомился, очень ли жители Вирджиния-Сити подвержены простуде. Я ответил, что, пожалуй, да. Тогда он вышел на улицу и снял вывеску.

Я направился в редакцию, но по дороге встретил еще одного закадычного приятеля, который сказал, что уж если что-нибудь может вылечить простуду, так это кварта воды с солью, принятая в теплом виде. Я усомнился, найдется ли для нее еще место, но все-таки решил попробовать. Результат был ошеломляющим. Мне показалось, что я изверг из себя даже свою бессмертную душу.

Так вот, поскольку я делюсь опытом исключительно ради тех, кто страдает описываемым здесь видом расстройства здоровья, они, я убежден, поймут уместность моего стремления предостеречь их от средства, оказавшегося для меня неэффективным. Действуя согласно этому убеждению, я говорю: не принимайте теплой воды с солью. Быть может, мера эта и неплохая, но, на мой взгляд, она слишком крута. Если мне когда-нибудь случится опять схватить простуду и в моем распоряжении будут всего два лекарства — землетрясение и теплая вода с солью, — я, пожалуй, рискну и выберу землетрясение.

Когда буря в моем желудке утихла и поблизости не оказалось больше ни одного доброго самаритянина, я принялся за то, что уже проделывал в начальной стадии простуды: стал снова занимать носовые платки, трубя в них носом так, что они разлетались в клочья. Но тут я случайно повстре-

чал одну даму, только что вернувшуюся из горной местности, и эта дама рассказала, что в тех краях, где она жила, врачей было мало, и в силу необходимости ей пришлось научиться самой исцелять простейшие «домашние недуги». У нее и в самом деле, наверно, был немалый опыт, ибо на вид ей казалось лет полтораста.

Она приготовила декокт из черной патоки, крепкой водки, скипидара и множества других снадобий и наказала мне принимать его по полной рюмке через каждые четверть часа. Я принял только первую дозу, но этого оказалось достаточно. Эта одна-единственная рюмка сорвала с меня, как шелуху, все мои высокие нравственные качества и пробудила самые низкие инстинкты моей натуры. Под пагубным действием зелья в мозгу моем зародились невообразимо гнусные планы, но я был не в состоянии их осуществить: руки мои плохо меня слушались. Последовательные атаки всех верных средств, принятых от простуды, подорвали мои силы, не то я непременно стал бы грабить могилы на соседнем кладбище. Как и большинство людей, я часто испытываю низменные побуждения и соответственно поступаю. Но прежде, до того как я принял это последнее лекарство, я никогда не обнаруживал в себе столь чудовищной порочности и гордился этим. К исходу второго дня я готов был снова взяться за лечение. Я принял еще несколько верных средств от простуды и в конце концов загнал ее из носоглотки в легкие.

У меня разыгрался непрекращающийся кашель и голос упал ниже нуля. Я разговаривал громовым

басом, на две октавы ниже своего обычного тона. Я засыпал ночью только после того, как доводил себя кашлем до полного изнеможения, но едва я начинал разговаривать во сне, мой хриплый бас вновь будил меня.

Дела мои с каждым днем становились все хуже и хуже. Посоветовали выпить обыкновенного джина — я выпил. Кто-то сказал, что лучше джин с патокой. Я выпил и это. Еще кто-то порекомендовал джин с луком. Я добавил к джину лук и принял все разом — джин, патоку и лук. Особого улучшения я не заметил, разве только дыхание у меня стало как у стервятника.

Я решил, что для поправки здоровья мне необходим курорт. Вместе с коллегой — репортером Уилсоном — я отправился на озеро Биглер. Я с удовлетворением вспоминаю, что путешествие наше было обставлено с достаточным блеском. Мы отправились лошадьми, и мой приятель имел при себе весь свой багаж, состоявший из двух превосходных шелковых носовых платков и дагеротипа бабушки. Мы катались на лодках, охотились, удили рыбу и танцевали целыми днями, а по ночам я лечил кашель. Действуя таким образом, я рассчитывал, что буду поправляться с каждым часом. Но болезнь моя все ухудшалась.

Мне порекомендовали окутывание мокрой простыней. До сих пор я не отказывался ни от одного лечебного средства, и мне показалось нерезонным ни с того ни с сего заупрямиться. Поэтому я согласился принять курс лечения мокрой простыней, хотя, признаться, понятия не имел, в чем его суть.

В полночь надо мной проделали соответствующие манипуляции, а погода стояла морозная. Мне обнажили грудь и спину, взяли простыню (по-моему, в ней было не меньше тысячи ярдов), смочили в ледяной воде и затем стали оборачивать ее вокруг меня, пока я не стал похож на банник, какими чистили дула допотопных пушек.

Это суровая мера. Когда мокрая, холодная, как лед, ткань касается теплой кожи, отчаянные судороги сводят ваше тело — и вы ловите ртом воздух, как бывает с людьми в предсмертной агонии. Жгучий холод пронизал меня до мозга костей, биение сердца прекратилось. Я уж решил, что пришел мой конец.

Юный Уилсон вспомнил к случаю анекдот о негре, который во время обряда крещения каким-то образом выскользнул из рук пастора и чуть было не утонул. Впрочем, побарахтавшись, он в конце концов вынырнул, еле дыша и вне себя от ярости, и сразу же двинулся к берегу, выбрасывая из себя воду фонтаном, словно кит, и бранясь на чем свет стоит, что вот-де в другой раз из-за всех этих чертовых глупостей какой-нибудь цветной джентльмен, глядишь, и впрямь утонет!

Никогда не лечитесь мокрой простыней, никогда! Хуже этого бывает, пожалуй, лишь когда вы встречаете знакомую даму и, по причинам ей одной известным, она смотрит на вас, но не замечает, а когда замечает, то не узнает.

Но, как я уже начал рассказывать, лечение мокрой простыней не избавило меня от кашля, и тут одна моя приятельница посоветовала поставить на грудь горчичник. Я думаю, это действительно

излечило бы меня, если бы не юный Уилсон. Ложась спать, я взял горчичник — великолепный горчичник, в ширину и в длину по восемнадцати дюймов, — и положил его так, чтобы он оказался под рукой, когда понадобится. Юный Уилсон ночью проголодался, и... вот вам пицца для воображения.

После недельного пребывания на озере Биглер я отправился к горячим ключам Стимбоут и там, помимо паровых ванн, принял кучу самых гнусных из всех когда-либо состряпанных человеком лекарств. Они бы меня вылечили, да мне необходимо было вернуться в Вирджиния-Сити, где, несмотря на богатый ассортимент ежедневно поглощаемых мною новых снадобий, я ухитрился из-за небрежности и неосторожности еще больше обострить свою болезнь.

В конце концов я решил съездить в Сан-Франциско, и в первый же день по моем приезде какая-то дама в гостинице сказала, что мне следует раз в сутки выпивать кварту виски. Приятель мой, проживавший в Сан-Франциско, посоветовал в точности то же самое. Каждый из них рекомендовал по одной кварте — вместе это составило полгаллона. Я выпивал полгаллона в сутки и пока, как видите, жив.

Итак, движимый исключительно чувством доброжелательства, я предлагаю вниманию измученного болезнью страдальца весь тот пестрый набор средств, которые я только что испробовал сам. Пусть он проверит их на себе. Если эти средства и не вылечат — ну что ж, в самом худшем случае они лишь отправят его на тот свет.

ЗНАМЕНИТАЯ СКАЧУЩАЯ ЛЯГУШКА ИЗ КАЛАВЕРАСА

По просьбе одного приятеля, который прислал мне письмо из восточных штатов, я навестил добродушного старого болтуна Саймона Уилера, навел, как меня просили, справки о приятеле моего приятеля Леонидасе У. Смайли и о результатах сообщаю ниже. Я питаю смутное подозрение, что никакого Леонидаса У. Смайли вообще не существовало, что это миф, что мой приятель никогда не был знаком с таким персонажем и рассчитывал на то, что, когда я начну расспрашивать о нем старика Уилера, он вспомнит своего богомерзкого Джима Смайли, пустится о нем рассказывать и надоест мне до полусмерти скучнейшими воспоминаниями, столь же длинными, сколь утомительными и никому не нужными. Если такова была его цель, она увенчалась успехом.

Я застал Саймона Уилера дремлющим у печки в полуразвалившемся кабачке захудалого рудничного поселка Ангел и имел случай заметить, что он толст и лыс и что его безмятежная физиономия выражает подкупающее благодушие и простоту. Он проснулся и поздоровался со мной. Я сказал ему, что один из моих друзей поручил мне справиться о любимом товарище его детства, Леонидасе У. Смайли, о его преподобии Леонидасе У. Смайли, молодом проповеднике слова Божия, который, по слухам, жил одно время в Калаверасе, в поселке Ангел. Я прибавил, что буду весьма обязан мистеру Уилеру, если он сможет мне что-нибудь сообщить о его преподобии Леонидасе У. Смайли.

Саймон Уилер загнал меня в угол, загорюдил стулом, уселся на него и пошел рассказывать скучнейшую историю, которая следует ниже. Он ни разу не улыбнулся, ни разу не нахмурился, ни разу не переменял того мягко журчащего тона, на который настроился с самой первой фразы, ни разу не проявил ни малейшего волнения; весь его бесконечный рассказ был проникнут поразительной серьезностью и искренностью, и это ясно показало мне, что он не видит в этой истории ничего смешного или забавного, относится к ней вовсе не шутя и считает своих героев ловкачами самого высокого полета. Я предоставил ему рассказывать по-своему и ни разу его не прервал.

— Его преподобие Леонидас У.. гм... его преподобие... Ле... Да, был тут у нас один, по имени Джим Смайли, зимой сорок девятого года, а может быть, и весной пятидесятого, что-то не припомню как следует, хотя вот почему я думаю, что это было зимой или весной, — помнится, большой желоб был еще недостроен, когда Смайли появился в нашем поселке; во всяком случае, чудака он был порядочный: вечно держал пари по поводу всего, что ни попадет на глаза, лишь бы нашелся охотник поспорить с ним, а если не находился, он сам держал против. На что угодно, лишь бы другой согласился держать пари, а за ним дело не станет; все что угодно, лишь бы держать пари, он на все согласен. И ему везло, необыкновенно везло, он почти всегда выигрывал. Он-то был всегда наготове и поджидал только удобного случая; о чем бы ни зашла речь, Смайли уж тут как тут и предлагает держать пари

и за и против, как вам угодно. Идут конские скачки — он в конце концов либо загребет хорошие денежки, либо проиграется в пух и прах; собаки дерутся — он держит пари; кошки дерутся — он держит пари; петухи дерутся — он держит пари; да чего там, сядут две птицы на забор — он и тут держит пари: которая улетит раньше; идет ли молитвенное собрание — он опять тут как тут и держит за пастора Уокера, которого считал лучшим проповедником в наших местах, — и, надо сказать, не зря; к тому же и человек этот пастор был хороший. Да чего там, стоит ему увидеть, что жук ползет куда-нибудь, — он сейчас же держит пари: скоро ли этот жук доползет до места, куда бы тот ни полз; и если вы примете пари, он за этим жуком пойдет хоть в Мексику, а уж непременно дознается, куда он полз и сколько времени пробыл в дороге. Тут много найдется ребят, которые знали этого Смайли и могут о нем порассказать. Ему было все нипочем, он готов был держать пари на что угодно — такой отчаянный. У пастора Уокера как-то заболела жена, долго лежала больная, и уж по всему было видно, что ей не выжить; и вот как-то утром входит пастор, Смайли — сейчас же к нему и спрашивает, как ее здоровье; тот говорит, что ей значительно лучше, благодарение Господу за его бесконечное милосердие, — дело идет на лад, с помощью Божией она еще поправится; а Смайли как брякнет, не подумавши: «Ну, а я ставлю два с половиной против одного, что помрет».

У этого самого Смайли была кобыла. Наши ребята звали ее «Тише едешь — дальше будешь», —

разумеется, в шутку, на самом деле она вовсе была не так плоха и частенько брала Джиму призы, хоть и не из самых резвых была лошадка и вечно болела, то астмой, то чахоткой, то собачьей чумой, то еще чем-нибудь. Дадут ей, бывало, двести-триста шагов форы, а потом обгоняют, но к самому концу скачек она, бывало, до того разоидется, что удержу нет, и брыкается, и становится на дыбы, и бьет копытами, и закидывает ноги и кверху, и направо, и налево, и такую, бывало, поднимет пыль и такой шум — и кашляет, и чихает, и фыркает, — зато всегда ухитрится прийти к столбу почти на голову вперед, хоть меряй, хоть не меряй.

А еще был у него щенок бульдог, самый обыкновенный с виду, посмотреть на него — гроша ломаного не стоит, только на то и годен, чтобы шляться да вынюхивать, где что плохо лежит. А как только поставят деньги на кон — откуда что возьмется, совсем не тот пес: нижняя челюсть выпатится, как пароходная корма, зубы оскалятся и заблестят, как огонь в топке. И пусть другая собака его задирает, треплет, кусает сколько ей угодно, пусть швыряет на землю, Эндрью Джексон — так звали щенка, — Эндрью Джексон и ухом не поведет, да еще делает вид, будто он доволен и ничего другого не желал, а тем временем противная сторона удваивает да удваивает ставки, пока все не поставят деньги на кон; тут он сразу вцепится другой собаке в заднюю ногу да так и замрет — не грызет, понимаете ли, а только вцепится и повиснет, и будет висеть хоть целый год, пока не одолеет. Смайли всегда ставил на него и выигрывал, пока не нарвался на собаку, у которой